

ПЛОЩЕБНЫЙ ДУШЕГУБ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДАНА ТЕЦЕУ

18+

Недетские сказки Яны Гецеу

Яна Гецеу

Плюшевый душегуб

«Автор»

2025

Гецеу Я. А.

Плюшевый душегуб / Я. А. Гецеу — «Автор»,
2025 — (Недетские сказки Яны Гецеу)

У Тэй было милое лицо, рожки олененка, солнечные веснушки и нож в кармане. А еще Наставник из военных ангелов. Зря ты, девочка, за симпатичным пареньком в лес пошла... вот послушай теперь сказку о том, как мальчик Тэй маньяком стал!

Яна Гецеу Плюшевый душегуб

– Давным-давно, – тихо произнес он своим ласковым, юным голосом. – Или нет, лучше жили-были? Как тебе больше нравится?

Лезвие ножики-когтя блеснуло в руке – бледной, слабой, почти женской на вид. В такой близости были видны поцелуйчики солнца – блеклые веснушки. Лицо у него было тоже веснушчатым, смешливым, милым.

– Ну что ты пугаешься, лезвие-то совсем маленькое, ну! – ласково, уговаривающе пролепетал он и лизнул по щеке, стирая дорожку слез. Лицо девчонки перекошилось омерзением и ужасом, она задергала головой, пытаясь увернуться. Он крепко ухватил ее подборок второй рукой, в черной перчатке, подержал, слушая мычание сквозь зубы. Один из которых уже лежал у него на белом офицерском платочке, рядом с ним, на столе.

– Ну! – на миг мальчишеское лицо передернуло жестокостью, солнечно-карие глаза, круглые, наивные подернуло темнотой, но тут же все разгладилось и мучитель обратился плюшевым симпатягой. Только вот рука в перчатке со скрипом сжималась на челюсти девчонки, а вторая, прохладная и с золотыми веснушками, вела лезвием вокруг ее глаза.

– Прекрати баловаться, глаз же выколешь! – с укоризной покачал он рогатой головой, и сдул упавшую со лба прядь каштаново-рыжих волос. И рожки и волосы у него были такие же солнечные, искрящиеся! И до тошнотворного обманчивые. В глазах девчонки, затопленных тоскливым ужасом, плескались щенячья наивная надежда, что все обойдется, отвращение, разочарование. Повелась на мягкие, бархатные рожки, что так уютно и трогательно глядели в разные стороны с его макушки, оленячьи, неопасные! На задорный нос, на золотые веснушки по щекам, на улыбашки эти его, такие невинные... Да и сам не очень высокий, так, среднего роста, и среднего же сложения, ни мышц тебе угрожающих, ни широких плеч. Взгляд такой почти детский, кто же знал... не хмурый же дровосек с топором! Не дядька с обритой головой и кривой рожей!

– Скоро ты будешь готова отдать глаз, и будешь еще рада, что так легко обошлось, – проворковал Тэй, и облизал нож. – Поверь мне, я знаю! – задорно подмигнул ей, пушистые реснички соприкоснулись верхние с нижними. – И конечно, уже мечтаешь, как будешь нервно смеяться, фух, пронесло, и никогда, никогда больше с пацанами гулять не пойдешь!

Тэй. Так он сказал, и кажется, даже не соврал. Живо откликнулся на это имя, наверное на поддельное так не получится! «Мы, скарабеи, принадлежим Солнцу, я целитель, у себя, в Инферно, знаешь? У нас ведь знаешь как, мы не можем не лечить, не делиться теплом, наш долг таков! Ты можешь мне верить!» Она и поверила. Там, у колодца в лесу. Что может случиться, просто набрала воды. Просто мальчишка, бродячий жрец Солнца попросил напиток. Просто улыбался так ясно, так чисто, казалось – душа светится, и глаза были добрые и хорошие! Ну сколько ему, лет восемнадцать? А ей-то двадцать один. Подумаешь, страшилки какие про незнакомцев!

– С ангелом бы ты не пошла, да? Ну и умница, ну и не надо! Плохая у них репутация! – заботливо заглянул ей в лицо этот урод. Тэй. И деловито провел стальным «кошачьим когтем» по ее щеке под правым глазом. Она снова замычала, но рот открыть он ей не дал. Прожигая болью ее лицо, до самой кости, медленно и скрупулезно нанося новые линии. Она даже смогла догадаться, что он рисует солнышко – символ... ангелов! Ах ты ж, паскуда проклятая, как же она не сложила дважды два! Солнце – это не только добрые целители скарабеи. Это еще и

ангелы! Опасные мрази, враги всего живого, от которых надо бежать, как от огня! А они и есть огонь, армия Солнца, а Солнце – это Господь бог. Руки его, солдаты его, выколачивающие налоги для Эдема и творящие все, что пустое сердце велит. Говорят, Небеса ничего не растят и не создают, а все, что им надо для жизни – отбирают у всех, кто под богом ходит. Если попадешь в руки ангела – он и душу из тебя выжрет, и сердце вынет, и волосы срежет. Разберет по косточке, все сложит в мешок из твоей же кожи и унесет в Рай. Не тот рай, где порхают и поют, а настоящий. Все сказки это, про добро и справедливость. Нету их!

«Мирта, увидишь кого-то худого, как жердь, и в черной гимнастерке, давай деру, не обращайся! Несись, как оглашенная! Может быть белые волосы, как снег – значит, офицер, серафим, а может, черные, по шею срезанные – солдат. На груди у них знак, солнце и когти, знай, и сразу беги!» – выговаривала мать. «Когти – потому что все они хуже, чем дикое зверье из чащи, коты Господа, тьфу, чтоб все повывыдыхали!» – ворчала бабка. А отец только хмурился, если дочь принималась хвастливо трещать, мол, да она палкой тех котов, да водой обольет! Даже дал как-то подзатыльник, и Мирта тут же все поняла и пообещала сразу же деру давать, как что!

Не дала... потому что не увидала. А увидала вот только сейчас. Когда отнесла ведра с водой до дому, а сама втихаря утекла обратно к колодцу, где ждал ее лучезарный, молоденький скарабей. Парней на их, засунутый в самые дыры лесные, хутор не заносило, одни проходимцы да дровосеки случайные. Кому тут глазки строить, с кем за околицей целоваться? А тут – такая удача! Она и пошла за ним, в пустую охотничью избу. Туда редко кто забредет, да и летом охотники ночуют под елками, по осени здесь начинают прятаться от холода. Место это она хорошо знала, бывало даже одна сюда захаживала в тишине посидеть да без дела помечтать... сама же и предложила, дура-дурища, – а пойдем, место одно покажу! Не по кустам же нам... сам понимаешь! Глазки еще состроила, тыквоголовая, надавать бы тебе в жбан, да поздно!

Глаза девчонки наполнились до краев близкой смертью, ужас перелился через край слезами, выплеснулся соленой водой, разъедавая свежие ранки.

– Тихо, тихо! – вытягивая мягкие губы в трубочку, проговорил плюшевый урод Тэй. – У вас на хуторе такая скукота, я ведь тебе принес развлечений! Ты и пришла развлекаться, вот и давай развлекайся, что ты мне тут мычишь и дергаешься, фря!! – внезапно гневно заорал он, и хорошенькое лицо опять исказила аспидная злоба. Но тут же улеглась, бровки разгладились – такие же каштановые, солнечные, как и все в нем. Ему словно яд плескали на лицо, уродуя до черноты, но тут же его стирали.

Он сидел перед девчонкой на корточках, а она со связанными руками, неудобно и больно ютилась на коленях в углу избы, лодыжки перемотаны стяжками из кожи змей, что высыхая, стягиваются понемногу все сильнее, почти незаметно наращивая боль, сваривая в ней жертву заживо исподволь. Но от свежих, пылающих огнем порезов, жертва пока этого не замечала. Это ей Тэй оставил «на сладкое», когда она вдруг обнаружит себя посреди целого хора разных голосов мучений.

Тэй помотал перед глазами девчонки ножом-когтем, и задержал прямо у зрачка. Она только сейчас разглядела на нем крошечный геральдический знак – кошачьи лапы держат солнце. Эмблема Небесной армии. Она отразилась в расширенных зеленых глазах.

– А, это? – с наивной мордахой сложил брови домиком ее мучитель. – Ты думаешь, откуда у скарабея оружие ангела? Это подарок!

Мразота польщенно улыбнулся и плашмя провел ножом по узору на ее щеке, пачкая лезвие в крови, а затем облизал его, глядя в сторону. Так невинно, как дети облизывают ложку с пенкой от варенья! Ей стало дурно. Она закусил губу, удерживая позыв к рвоте, страшась разозлить уroda еще сильнее.

– Ты слушай, не перебивай! – взмахнул ножиком Тэй, и поднялся, разминая ноги в мягких, телячьей кожи коричневых сапогах. И все-то в нем было мягкое и телячье. Мирта с ненавистью оглядела его освещенные низким солнцем из окна избы бархатистые, в пятнышках бежевые рожки, ну чистый олененок! И спину не держит, плечи вперед, округлых линий. И волосы слегка вьются, как мамка облизала! Да что ж ты за выродок-то такой, откуда ты рожу свою милую взял, а?!

Пока он стоял спиной против окна и чего-то там шебуршал, окутанный сияющими пылинками, девчонка попыталась прикинуть, что можно сделать. Ну, что-то же точно можно?! Ну должно быть, не бывает же, чтобы не было! Она пошевелилась и змеиные стяжки вкрадчиво зашипели болью в лодыжках – шшш, милая, аккуратно!

– Вот! Где мы были с тобой а? Не вспомню... точно! Сказка! Давным-давно, жил-был один скарабей.

Мирта замерла, еле-еле елозя на соломенной подстилке. Но от каждого малейшего шевеления стяжки становились только злее. А Тэй там все что-то шурился, она вытянула голову, силясь понять – что, что там?

Кровь подсыхала на лице, она с досадой подумала, что шрам останется, вот урод! Но тут же испугалась сама себя – да какой шрам, ты о чем, ноги свои отсюда унеси, что тот шрам!

– И была у того скарабея жена, – продолжал Тэй. – И даже детишки были, да, да! Хорошенькие, маленькие скарабейчики – мальчик, добрый, ласковый малыш. Ну весь в отца, такой же душечка, всем-то поможет, всех-то выслушает! И девочка тоже была, да. Милая, пухлая, как подушечка, ее все просто обожали! И брат тоже, даже не ревновал, да-да! А чего нам делить, всего нам хватало, мама и папа любили да баловали! И вообще, мама всегда говорила, как же нам повезло, что папка захромал и теперь дома сидит, с детьми помогает. Вырезать он любил у камина, всякие фигурки – солдатиков рогатых, вот такусенькие мечики, эмблемочки разных полков, да вспоминать, как служил в армии! А на улицу выйдет, так ууу, все с ним здороваются, все ему улыбаются, почтенный скарабей, герой войны! И я тоже вырезать люблю, – зловеще прошептал Тэй и повернулся к жертве. Она заерзала и заскулила, разглядев, что он надел и вторую перчатку, и на черной коже, что обтянула ладонь, как родная, лежит куколка. Простенькая, кукла-закрутка, как делают маленьким детям, из скрученного в трубочку и сложенного пополам куска ткани. Перевязывают там, сям – получается голова, ручки, ножки. Лицо даже можно не рисовать, но когда Тэй поднес куколку поближе, Мирта разглядела угольком подрисованную скобку рта, и две черточки – вроде клыков упыря. Две черные кляксы обозначали глаза. Были даже волосы, вроде как конские, жесткие черные, собранные на куколке в хвост. Почему простая игрушка испугала девчонку до позывов обмочиться, она не знала, но всем трясущимся нутром ощутила – это что-то совсем недоброе! А ничего доброго в руках у бездушного скарабея быть не могло! И когда ей осознание просверлило дырку в мозгу, она вся похолодела, а боль в порезанной щеке застучала жаром: куколка была свернута из ее черной, тяжелого муслина юбки. Для него же надела дорогую вещь... для него же сняла, в одной длинной белой рубахе осталась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.